

ЭТИХ ШВЕДОВ СОБЛАЗНИТЬ ЛЕГКО

ИНГРИД БЕРГМАН – РОБЕРТО РОССЕЛИНИ: ЗНАМЕНИТЫЙ СКАНДАЛЬНЫЙ РОМАН

Старомодные любители романтических историй полувекковой давности непременно требуют от биографов подробностей, так что тем поневоле приходится проявлять воображение. Как началась любовь двух знаменитостей? Что они при этом думали и говорили? Редко бывает, чтобы это было известно доподлинно. Но начало любви Ингрид Бергман к Роберто Росселини – именно такой случай. Во всяком случае, неоспоримо свидетельство подруги актрисы, слышавшей ее слова и даже их записавшей...

Письмо любви – через океан

История одного из самых громких голливудско-европейских скандалов XX века началась январским вечером 1948 года, когда уже знаменитая в Голливуде киноактриса Ингрид Бергман с подружкой пошла... в кино. Выбрали, конечно же, европейский фильм – ведь Ингрид до мозга костей европейка и остается ею даже здесь, в Голливуде. Гаснет свет. Среди целующихся в темном кинозале парочек Лос-Анджелеса и случайных пенсионеров она смотрит мрачную картину о Риме, оккупированном немцами. Расстрелы, убийства, а в довершение всего – пытаемый фашистами католический священник: такого в американских фильмах нет и в помине! О режиссере фильма «Рим – открытый город» в Голливуде не слыхали еще никто. Роберто Росселини – повторяет про себя Ингрид Бергман... И – вот слова, записанные ее подружкой, они говорят сами за себя: «Весь мир должен увидеть этот фильм... Анна Маньяни, е го актриса, не так известна, чтобы прославить этого Росселини...», и наконец – самое главное: «Я могу помочь ему, правда? Я ему напишу...»

Письмо, вестник любви, написано по-английски. И неудивительно. «Если вам понадобится шведская актриса, которая по-итальянски знает только два слова: «ti amo» (люблю тебя), – я готова сделать с вами фильм...» Она не знает ни адреса, ни внешности адресата. Кто-то из голливудских знакомых посоветовал ей отправить письмо на адрес римской студии «Минерва». Но – о романтический ужас! – через несколько недель на студии вспыхнул пожар. Будто стихия огня ополчилась против этой внезапно вспыхнувшей любви... И все-таки любовь победила все. Полуобгоревший конверт найден пожарниками и передан Росселини. Вот тут-то и начинается самое интересное.

С ошарашенным, почти дурацким видом итальянец клянется, что знает не знает «эту синьору Бергман». Попавшему под горячую итальянскую руку вестнику будущего счастья он выдает, что «ненавидит этот Голливуд и всех его актеров», а сам ходит в кино, «только если нужно укрыться от дождя».

Друзья по «Минерве», куда более продвинутые в знании американского кино, чем Росселини (так заиклившийся в те годы на своем, родном, итальянском, что о нем ходила поговорка: «не произносите при нем слово «романтический» – он все равно услышит вместо этого «Рим античный»), объясняют ему, что ответить необходимо: Ингрид Бергман знаменита, ее называют второй Гретой

Гарбо, точнее – «Гретой Гарбо звукового кино». И он пишет лицемерно-обходительный ответ: «Я с таким волнением прочел ваше письмо...» И даже посылает ей сценарий. Ему это не так уж трудно. Росселини брызжет идеями, он может рассказать целый великолепный проект за тарелкой макарон. Правда, он никогда не снимет рассказанный фильм – просто потому, что, съев макароны, потерял к нему всякий интерес.

«Коммандаторе», как его называют все – от актеров и осветителей до влюбленных актрис, – человек Ренессанса. В эту секунду он нежный любовник, а в следующую – может прыгнуть кинжалом в спину. Неспособный следовать правилам, принятым в обществе, он живет одним мгновением. Отказывается отужинать с богатым продюсером, оттого что тот «угнетатель». Давно ли сам Росселини был страстным фашистом, умилялся Муссолини и снимал пропагандистские фильмы? Но фашизм его разочаровал, и теперь он за коммунистов. Коммунисты заставили его воспитаться партизанским Сопротивлением, но сопротивление со стороны женщин вызывает у него неукротимый гнев. Он страдает за бедняков, что вовсе не мешает ему развешивать по Риму на «Феррари». Он обожает «Феррари», но не настолько, чтобы сдерживать свой южный темперамент: однажды, разъяренный тем, что женщина с римского балкона крикнула ему какую-то грубость, он разогнался и врезался в пинию. Правда, тоненькую – пиния с легким треском рухнула, а вот «Феррари» ничуть не пострадал...

Идеальная жена, шведский муж и латинский любовник

Трудный путь большой любви начинается в конце августа 1948-го в Париже, в ресторане отеля «Горж V». Здесь Ингрид Бергман, приехавшая с мужем и дочерью, впервые ужинает с Роберто. Он, как всегда, рассказывает очередной проект, из тех, что никогда не будут сняты. Размахивает руками, непосредственный, темпераментный, изысканный. Ингрид любит его им. Ее муж – зубной врач Петер Линдстрем – сидит рядом. Он молчит. Петер женился на ней еще в Стокгольме. Он имел свою зубную клинику, дела шли успешно. Ингрид – идеальная жена северянина: позволяет распоряжаться своим кошельком, подшивает занавески, вяжет, стирает пыль с мебели. Когда американский продюсер пригласил ее в Голливуд, даже вопроса не было: конечно, там все будет как в Швеции, по-прежнему. Петер поехал с ней. И она продолжала хранить ему верность на диво всей голливудской богеме: эту цитадель север-

ной добродетели не пробили ни Кэри Грант, ни Гэри Купер, ни Шарль Буайе – дипломированные красавцы Североамериканских Штатов... да что там – ухаживания величайшего плейбоя Эрнеста Хемингуэя потерпели поражение, и он вынужден был удовлетвориться тихой дружбой и титулом «Мистер Папа», что очень устроило Ингрид – ведь она рано лишилась родителей, росла сиротой, и там, в Стокгольме, ее воспитывал дядя, брат покойного отца.

Впервые Ингрид столь явно предпочитает мужу другого. Как никогда она полна желания помочь Росселини пробиться в Голливуд, сделать из него гения. Пока он, оживленно болтая («Мы ведь выпьем за ваше тридцатилетие, да?» – день рождения Бергман был поводом для встречи), открывает шампанское, думает ли она, что, вернувшись в родной Рим, он скажет друзьям: «Этих шведов соблазнить легко, еще бы – ведь у них совсем холодные мужья. Любовь, которую они им дают, – не тониизирующее средство, а всего лишь обезблывающая помадка».

Но сама она, приехав в Голливуд, начинает переговоры о том, чтобы Росселини дали деньги на съемки. Безуспешно. Никто не рискует доверить камеру этому типу, который прославился тем, что снимает непрофессиональных актеров, снимает на обыкновенных улицах, без декораций. Только давний поклонник Ингрид Бергман, Говард Хьюг, в надежде оказаться когда-нибудь успешней самого Хемингуэя, соглашается финансировать фильм Росселини «Стромболи», который он придумал для Ингрид.

Сюжет «Стромболи» мог вогнать в транс любого голливудского богача. Для Бергман Росселини придумал роль беженки из Балтийской Европы, оказывающейся на заброшенном южном острове, расположенном на самом вулкане, среди грубых, неотесанных пастухов, в одного из которых она влюбляется. Соответствующими были и условия съемок на островке Липари: отхожим местом служила расщелина в скалах, душем – лейка, наполненная морской водой: пресную приходилось экономить. Компанию съемочной группе составляли лишь несколько героических папараци – им история кино обязана знаменитой фотографией, на которой влюбленные идут, счастливые, тесно прижавшись друг к другу, рука в руке... Пастушеская идиллия, которая не принесла денег. Зато явилась началом грандиозного скандала.

Любовь, победившая американский Сенат

Как раз в это время в американском Сенате резко усиливаются рес-

публиканцы. Все выше взлетает сенатор Маккарти. Республиканцами иницирована не только «охота на лиц, симпатизирующих коммунизму» – наступление задумано гораздо масштабнее. Цензура в кино с целью улучшения христианской морали общества! Многочисленные общественные христианские организации приветствуют угрожающие речи республиканцев о наказаниях за несоответствие христианским принципам морали. Тут-то история голливудской кинозвезды, «второй Греты Гарбо», позволившей себе растоптать супружеские узы, и взрывается, как ядовитая бомба. «Вы, первая леди американских экранов, – получает Ингрид анонимки, – рискуете разрушить всю вашу карьеру, если не измените вашего поведения.» О том, насколько серьезными были эти угрозы, свидетельствуют беседы Ингрид Бергман с друзьями, например с французским священником, благодаря которому ей в свое время удалось сыграть в Голливуде прославившую ее роль Жанны д'Арк: «Если я брошу всю карьеру и исчезну, – спрашивала она его, – могу ли я надеяться, что моя Жанна д'Арк не падет жертвой всего этого...»

Отчаянную попытку вернуть Ингрид предпринимает муж. Они встречаются в отеле и выясняют отношения целую ночь. Муж рассержен не на шутку. «Хочешь видеть свою дочь – навсегда возвращайся домой...» Всю эту ночь Росселини, как ястреб, у которого отнимают добычу, яростно кружит вокруг отеля на маленьком старом автомобиле. Под аккомпанемент чудовищного грохота мотора Ингрид Бергман под утро все же признается мужу, что «наконец нашла свое место в жизни» и уезжает в Европу вместе с Росселини.

И пока в Америке разгорается скандал, связанный с бракоразводным процессом (в котором Петер Линдстрем досталась роль незавидная: он прятал от дочери жалобные письма любви, которые ей пишет из Италии Ингрид Бергман, и вынуждал девочку говорить: «Моя мать не любит меня, она мною не занимается»), либеральная, ко всему привыкшая, равнодушная Италия принимает счастливых любовников. Хемингуэй, «Мистер Папа», возмущенно пишет ей через океан: «По-моему, американцы сошли с ума. Скандал из-за ребенка! Поистине в судьбе великих актрис великая печаль». А христианская демократия Рима в это время осуждает «кампанию по дискредитации синьоры Бергман», и даже Ватикан сурового Пия XII молчит, не реагируя на многочисленные скандальные публикации в прессе.

В 1950 году родился малыш Роберт. Он дорого стоил матери, которая слегла в больницу с тяжелой депрессией, повторяя: «Я должна была умереть от родов, чтобы искупить мои прегрешения...» Но спустя два года рождаются еще двое близнецов – Изота-Ингрид и Изабелла, которой суждено будет стать кинозвездой иного времени. Журналисты передают слова Бергман: «Я хочу жить с Росселини. Жить с ним в маленькой квартирке и заниматься хозяйством».

Дальнейшее старо как мир. Росселини снимал фильм за фильмом, отказываясь отпускать Ингрид к другим режиссерам. И ни один из его фильмов не имел коммерческого успеха. Деньги таяли... В конце концов Ингрид Бергман всерьез напомнила о себе, снявшись у Жана Ренуара, – Росселини согласился скрепя сердце, из уважения к «великому французскому». А тут и голливудский режиссер Анатолий Литвак позвал ее на главную роль в «Анастасии», проявив определенную смелость. Росселини был категорически против. Бил кулаками в стенку, угрожая покончить с собой, если Ингрид опять поедет «в этот треклятый Голливуд». Но средств не было. Иного выхода не было тоже. И Ингрид поехала. «Анастасия» принесла ей «Оскара» и прощение американского общества... ведь шел уже 56-й – закат маккартизма.

Раздосадованный Росселини направил стопы совсем в другую сторону света. Уехав в Индию снимать документальное кино, он влюбился в двадцатисемилетнюю жену продюсера из Нью-Дели. Можно ли представить себе более наглядный контраст с бледной и ледяной шведкой? Они не виделись целый год. Когда Роберто вернулся, Ингрид уже все знала из желтых газет. Не было ни темпераментного выяснения отношений, ни громкого разрыва. Она по-прежнему нежна с Роберто. Но это нежность расставания. По-настоящему между ними все кончено.

Осенью 1957-го разведенная второй раз Ингрид Бергман возвращается в Голливуд. Сенат приносит ей извинения за травлю – как и многим пострадавшим во времена только что умершего Маккарти. Времена меняются. Ее ждет новая карьера, такая же громкая и успешная, как и первый виток. Она ни о чем не жалеет. Что ни говори, это было счастье.

В бурной жизни темпераментного, плодотворного, увлекающегося Росселини больше не будет такой безграничной преданности, такой тихой и нежной привязанности, такой постоянной женской любви.

По материалам зарубежной прессы подготовил Дмитрий САВОСИН

Ингрид и Роберто: сельская идиллия вдали от шумного Голливуда

Бергман Ингрид
2 дек. 2004